

Та, что избегает Понимания...

Никогда Аббас не видел ничего подобного. Даже Землежуйка не могла сравниться с ней. Они были схожи только в самом поверхностном понимании.

Хотел бы он больше примеров для сравнения, но об остальных Кузницах лишь слышал и никогда даже не приближался к ним. Хотя он надеялся изменить это в скором времени, пока Авангард увеличивал его статус среди своих. Однажды он бы обязательно получил доступ к их знаменитому Золотому Часу в Интаре.

Они всегда защищали эту штуку с абсолютно абсурдным уровнем паранойи, во многом из-за их проклятого Кудесника. Этот человек охраняет их единственную Кузню как ревнивая жена. И так уже пару столетий.

Для чего? Какие технологии показал Авангард с её помощью? Что создал Кудесник такого важного для их организации?

Может они и это тоже хранили в секрете, но Аббас сомневался. Скорее всего этот их Кудесник Света некомпетентен и высокомерен. Каким образом он смог убедить лидеров Авангарда отдать надзор за Золотым Часом, для Аббаса оставалось величайшей загадкой.

Но из-за этой глупости страдал весь мир.

Тем временем, Моргунов очевидно продвигался в своей работе семимильными шагами. Аббас почти не сомневался, что механические кошмары были созданы именно в новой Кузне Безумного Демона. Либо же его старая, Котёл Хаоса, не была уничтожена во времена Войн Джунглей, как считалось.

Предположительно, сам Серман покончил с ней, поэтому Аббас предпочитал верить, что это было правдой. Но шестидесяти лет Безумному Демону с достатком хватило бы на создание новой Кузни.

Хмф. Аббас вспомнил как молодые слуги в Золотом Форте обсуждали исчезновение Моргунова из мира в последние несколько десятилетий. Они смели надеяться, что ему надоело воевать или он просто умер.

Аббас не мог винить их за наивность юности, наверное. Но никогда не сомневался, что Безумный Демон просто работал над чем-то всё это время. Вряд ли над чем-то одним.

Он не хотел и представлять, какие ещё кошмары этот сумасшедший собирался выпустить на них. У него было чувство, что в Юго он лишь дал им мельком взглянуть на свои заготовки.

В любом случае, учитывая то, как проходила война, Аббас чувствовал, что к Золотому Часу его в ближайшее время не подпустят. Поэтому надеялся на кого-нибудь компетентного. Кто угодно, лишь бы не Избавление.

Кузни слишком важны, чтобы оставлять их без использования. В правильных руках они обладают силой перевернуть мир. К благу или злу.

Насколько знал Аббас, в мире существовало всего шесть Кузней – включая вот эту, перед ним. Может и больше, спрятанных и потерянных в истории, как эта, но он сомневался. Слишком уж за ними охотились.

Как много войн начались только ради Кузней, интересно? Сказать было трудно. Даже с постоянным наблюдением жнецов, слишком много знаний стёрло время. Да и очень часто «хранители времени» не желали делиться информацией.

Аббас посещал Главных Архиваторов на Люгхе несколько раз именно по этой причине. Если кто и мог помочь узнать об утерянных Кузнях, то только они. Теоретически.

Никогда он не встречал более недоброжелательных групп жнецов. Они не были «враждебны», но отказывались помогать в поисках и требовали безумную плату за каждое посещение.

Много лет прошло с его последнего визита, но даже после сверки с Уорвалом он не мог вспомнить ничего похожего на эту Кузню. Гигантская стеклянная сфера в сердце гигантского дерева.

Если это вообще стекло.

Может и оно, но с Кузнями наверняка не узнать никогда. Так он читал.

Аббас глубоко вдохнул и прикоснулся голой рукой к поверхности Кузни.

Он частично ожидал, что мир вокруг него вспыхнет пламенем или на его разум навалится цунами рвения. С этим он мог бы работать.

Но его встретила тишина. Спокойствие.

Однако и не смерть.

Дерево бы погибло, будь Кузня мертва. Оно было глубоко переплетено с ней, хотя он пока не понимал, каким именно образом. Вытягивало жизнь из спящей Кузни? Или наоборот, питало Кузню? Может, они обменивались энергией? Дуализм – довольно интересная стратегия для создания такой вещи.

Хотел бы он знать, кто её создал. Если говорить о знаменитых объединителях, то кандидатов не так и много. Вряд ли Хаменсцун, слишком недавно жил, может Юнсо или Скапа. Но, опять же, если её создателем был кто-то знаменитый, как её могли оставить здесь, как могли просто бросить?

Он просто гадал, конечно, но ему казалось более реальным, что эту Кузню создал кто-то из «тайных императоров». Слуга, достигший достаточного уровня силы, но никогда её не проявлявший.

Трудно сказать, сколько таких существовало в истории. Некоторые жнецы утверждали, что ни одного, потому что поддерживать такой секрет долго невозможно. И он понимал их логику, но ещё видел, как много императоров были побеждены совершенно неизвестными воинами. Юнсо, например, был убит, чёрт возьми, фермером, когда этот император попытался забрать его землю.

Это считалось просто мифом, но Аббас встречал нескольких жнецов, которые клялись всем своим существом, что это чистая правда.

Хотя о том, что стало с этим фермером, мнения расходились. Некоторые утверждали, что его анонимность была разрушена этим событием и позже он стал известен по гораздо более знаменитому имени Феррико – ещё один император той эпохи.

Другие заявляли, что на самом деле этим фермером был соперник Юнсо, Айзек, использовавший прикрытие, чтобы подобраться близко и затем убить его.

А некоторые считают, что всё это просто безумная случайность и фермер каким-то образом убил жнеца Юнсо, даже не поняв сделанного, а после его самого убили амбициозные слуги, пытающиеся завоевать славу, убив человека, которому удалось победить императора.

Аббас больше верил первой истории. Хотя скрывать такую чудовищную силу было бы трудно, но возможно, особенно если у человека есть столетия на тренировки сдерживания силы души.

Интересно, какие ещё спящие гиганты обитали в современном мире? И что может их разбудить?

Может, континентальная война?

Хмф. Он отвлёкся. Нужно было сосредоточиться на том, что находилось перед глазами.

Сейчас лишь Кузня имела значение. Всё остальное должно уйти.

Он продолжал прижимать руку к стеклу, медленно закрывая глаза.

Искусство ощущения рвения было странным. С одной стороны, оно было так же очевидно, как сила души. Любой жнец или достаточно взрослый слуга мог почувствовать его. Но с другой, так много скрытых аспектов рвения не замечали даже те, кто работал с ним годами.

Рвение. «Сила планеты». Землежуйка его не использовала, в отличие от этой сферы. Он чувствовал его в гигантском основании, на котором она лежала.

Это будет непросто, Аббас знал. Ему нужно было сделать то, что считалось невероятно тупым среди объединителей.

Он должен был начать слияние своего разума с материальным объектом. Кузней в этом случае.

По самым очевидным причинам использование этой техники не поощрялось. Одна достаточно ужасная ошибка и он застрянет в Кузне навечно – или до тех пор, пока Уорвал не решит пощадить его и отпустит душу.

Хотя Аббас был уверен, что этого не случится. Почти уверен.

Дольф Рахман научил его одному методу. С обычными предметами объединение разума невероятно тупая и бесплодная затея. Ничего нельзя было получить, не считая потенциальной потери собственного тела. Это как идти по натянутой верёвке на краю скалы. Баланс и навыки требуемые для такой техники достижимы, но риск слишком высок – а награда слишком низка – чтобы заниматься чем-то таким.

Но когда вопрос заходил о предметах наполненных рвением, всё сразу менялось. Можно было обнаружить целое множество полезных знаний, танцуя на краю смерти.

Приём, естественно, заключался в том, чтобы на самом деле не смешивать свой разум с Кузней, а удержать ровно столько, сколько необходимо для понимания природы этой штуки.

Он хотел узнать её имя. С именем наверняка получился пробудить спящую силу. Имя – ключ к её потенциалу. Или первое домино в ряду. Зависит от того, каким образом представлять процесс.

Что тоже было важным аспектом всего. Выбранный им метод повлияет на способность

обнаружения. Если он не сможет сохранить понимание того, что и зачем делает, ничего не получится. Или потребуется безумно много времени.

Прижимая себя глубже к Кузне, он должен был проявлять всю возможную осторожность. Ему просто требовалось один раз хорошо взглянуть на рвение, вот и вся цель, но здесь лежало искушение. Углубиться слишком быстро, заглянуть слишком глубоко, потерять концентрацию и быть проглоченным этим спящим зверем.

Или, по крайней мере, так это описывал Дольф. Аббас не слишком хотел узнавать, насколько его учитель ошибался.

Он уже видел рвение. На самом краю зрения. Если взгляд разума мог щуриться, то именно это он и делал. Пытался увидеть. Понять.

Как же тебя зовут, чёрт возьми? Если вспомнишь хотя бы это, наверняка тебя ещё можно будет заставить работать. Если нет... что ж, тогда всё станет гораздо труднее.

Он потерял время. Может, целые часы. Был немалый шанс того, что внутри неё время текло с другой скоростью. Если бы он не полагался на своё тело как на якорь в реальности, то потерялся бы ещё сильнее. Дни или месяцы могли пролететь мимо. Даже годы. Десятилетия.

Время становилось не более чем иллюзией в таком месте. Чёрт, насколько он знал, оно даже могло начать ходить кругами.

Это сбивало с толку. Но искажение времени практически точно было тем фактором, благодаря которому Кузни сохраняли в себе воспоминания, Аббас знал. Такие ускользающие мысли должны были потерять в безграничном течение времени, но здесь они сохранялись. Марш энтропии удерживался на месте. Какое-то время.

Сколько именно занимало это «время» – что ж, такого никто предсказать не мог. Как долго могут простоять Кузни, прежде чем превратятся в пыль? Если оставить их в покое, они могут протянуть больше человечества. Рвение, всё же, топливо самой планеты. Жизни этих приятелей измерялись почти в космических масштабах.

Жаль, что обычно их уничтожали гораздо раньше, чем это могла сделать природа.

Постепенно, рвение на краю его ощущений становилось отчётливее. Он пытался «приблизиться», подтолкнуть себя ещё глубже, но это был обманчивый процесс. Нельзя ожидать, что изменения последуют немедленно или хотя бы будут понятны. Всё станет ясно, когда станет. Если станет.

Чтобы воспринять воспоминания, сперва необходимо воспринять поток рвения. Информация часто застревала между его волн, иногда это называли «вихрями» или «узлами». Если бы не

эти искажения в рвении, они были бы невидимы.

О господи. Да, он начинал видеть рвение.

Но как же много его оказалось.

Он ожидал пруд, а встретил море.

Насколько же стара эта штука? Её создали такой? Или она накопила рвение за свою долгую жизнь? Уже сейчас, в сравнении с ней, вся сила души в Землежуйке казалась просто каплей.

Но это не означало, что она сильнее. В машине творения значение имел только творческий потенциал её создателя – и способности человека, который надеялся её использовать, конечно.

... Однако же это очень удивляло. Почему так много? И так плотно. Слои поверх слоёв, настолько прижатые друг к другу, что практически текли насквозь.

Практически. Потому что, конечно, это невозможно. Если бы поток нарушился настолько, то рвение бы потеряло свой звон и началась утечка, а после и рассеивание.

Но это было просто безумное мастерство использования пространства. Эффективность того, как сильно были прижаты эти слои друг к другу – Аббас восхищался до крика души. Если он доживёт до возраста, в котором сможет создать собственную Кузню, то обязательно вспомнит эту технику.

К несчастью, такая плотность делала поиск труднее. И, не дай бог, если ему придётся заняться ремонтом. Это уже звучало как кошмар.

С другой стороны, если судить по качеству потоков рвения, Кузня была в довольно хорошем состоянии. Он не видел больших проломов и отводов – не было «кровоизлияния», как говорилось.

Хотя у него было впечатление, что много «ран» найдётся в другом месте. Нужно будет прочесать всю Кузню, прежде чем он осмелится её включить.

А это уже совершенно другая проблема – и куда как более опасная. Сейчас он просто искал имя, чтобы понять предназначение Кузни. Если и когда придёт время «включить» её, вот это и будет началом настоящего фейерверка.

Такого, который может убить их с Уорвалом в мгновение ока. Поэтому требовалось убедиться, что всё абсолютно хорошо, прежде чем пытаться включить этот метафорический переключатель. В худшем случае Кузня взорвётся, оставив позади кратер размером с город.

Хотя это было маловероятно – и не только из-за его уверенности в своих способностях. Эта Кузня была нежной. Взрыв будет «не в её характере», как ему казалось. Если она и самоуничтожится, то каким-то другим образом. А, может она взорвётся вовнутрь.

При этом наверняка засосав его с Уорвалом, правда. И убьёт ровно настолько же, насколько и взрыв.

Его поиски продолжались ещё долго, если верить ощущениям. Он чувствовал множество крошечных узелков в потоке рвения, но не узнав её имя прочитывать их было невозможно. Может быть, Дольф бы и смог что-нибудь сделать, но не он.

Имя, где же имя. Где оно может быть? Он искренне надеялся, что оно у неё есть. Иначе он искал в этом море то, чего нет.

Угх.

Он почувствовал как сознание ускользает от него. Разочарование не помогало. Связующая нить ослабевала. Требовалось вытащить себя раньше, чем риск станет неприемлем.

Так он и поступил.

Его глаза открылись, рука отпрянула от стекла. Он снова почувствовал тело. Воздух в лёгких. Плоть и кости вокруг души.

Он глубоко и устало выдохнул.

Это будет не просто, да?

Дав своим мыслям и эмоциям несколько секунд, чтобы улежаться, он снова потянулся к стеклу.

Но остановил себя на полпути.

Возможно, требовалось изменить подход. В этой машине – если её можно так назвать – гораздо больше рвения, чем он ожидал. В таком темпе поиск имени замёт дни или недели, если не месяцы. Чёрт, может и больше. Он ещё даже не узнал насколько глубоко это море.

Аббас осмотрелся в комнате. Внутри была не только Кузня. Это место, самым очевидным образом, какая-то древняя мастерская. Гектор со своими товарищами изучил её сверху донизу, но он сам мог заметить что-то, чему они не придали внимания. Гарвель сказал, что они не нашли имя ни в одной из книг и он поверил, но в них всё равно могут быть полезные заметки.

Откровенно говоря, он не знал, что ищет. У него была лёгкая надежда наткнуться на какую-то подсказку к поиску имени. Может, исторический контекст?

Читать на языке этих книг он не мог, но, к счастью, Уорвал мог.

Поэтому они приступили к работе – Уорвал читал, Аббас переворачивал страницы. Он насчитал двенадцать книг на одной полке и ещё десяток на другой, у двери.

Но если придётся сесть здесь и дать Уорвалу прочитать все до единой, от корки до корки, так он и поступит.

Поэтому он пытался начать с Кузни. Изучение всех этих книг займёт очень много времени, а так он мог узнать необходимое мгновенно.

Жаль.

По крайней мере, его мозги могли отдохнуть, пока жнец читал. Усталость после ныряния в море рвения не следовало игнорировать – даже если он собирался сделать именно это. Ему бы наверняка удалось нырнуть ещё два или три раза, прежде чем потребовался бы настоящий отдых.

Хотя медитация неплохо его заменяла.

Или могла бы заменять, не будь у него столько трудностей с умиротворением мыслей.

Даже в его возрасте, со всем протяжённым опытом за спиной, Аббас всё время периодически сталкивался с этой проблемой. В юности он наверняка надеялся, что это пройдёт с возрастом. Но тревога растёт вместе с ним. И власть.

Что станет с его родными? Этот рвущий душу вопрос стоял у корня каждой тревожной мысли касающейся его разума.

Прежде чем эта война постучала в двери, у Аббаса была мысль. Тогда абсурдная, превосходящая возможности его и Хакка. Но если бы только он старался больше, если бы работал усерднее... тогда, возможно, им бы не пришлось сбегать из дома. Возможно, им бы не пришлось терпеть такое унижение – хотя бы не настолько.

Это бы не остановило Моргунова. Но могло остановить орду его безумцев.

Его доспехи. Создать их копии, не такие сильные, если потребуется. В этом была мысль.

В этом всегда была финальная цель – сделать броню доступной для значительно более молодых слуг. Или, если осмелиться представить, не только для слуг.

Мударра-ун – или Бронированные, на моссианском. Беспрецедентный класс воинов. Элитный отряд солдат, натренированных использовать его доспехи.

Это была его старая мечта, к которой он возвращался снова и снова последние лет двадцать. Временами она казалась полностью достижимой. Временами он ругал себя за то, что не придерживался реалистичных целей.

Даже создание единственного прототипа потребовало вложить безумно много сил. А он ещё не был закончен. Доспех казался какой-то вечной задачей. Постоянная настройка, постоянное улучшение. Медленное движение к силе.

Может ему и удалось победить Ивана, но он прекрасно знал, насколько был близок к поражению. То была победа на грани.

Очевидно, не каждый костюм требовалось делать таким мощным как этот, но в конце концов, что было важнее? Создание Мударра-ун или продолжение улучшения этого прототипа?

В идеале он бы хотел заниматься и тем, и другим. Но реалист в нём знал, что это невозможно.

Он надеялся, что с Кузней сможет это изменить, но теперь практически не верил. Учитывая её возраст, создатель просто никак не мог предназначать Кузню для использования с механизмами.

Это может быть проблемой.

Или нет.

А пустые тревоги скручивали его желудок в трубку.

Он ещё секунду успокаивал эмоции. В конце концов, всё это просто тревога. Эмоция. Постоянная и надоедающая, но эмоция.

В первую и важнейшую очередь, нужно быть рациональным человеком. Спокойно оценивать каждую ситуацию. Продумывать всё настолько, насколько позволяло время. К этому идеалу он всегда стремился.

Ещё один урок полученный от Дольфа. Этот человек, во многих отношениях, был настолько далеко от рациональности, насколько возможно. Когда он вёл себя не безрассудно, Аббас

только удивлялся. Все, кто знали Дольфа, характеризовали его исключительно как импульсивного человека.

Пока это не прошло.

Аббас восхищался своим учителем по множеству причин, но не по этой.

И Дольф об этом знал.

— Это хорошо, — сказал ему однажды учитель. — Так и должно быть. Ты мой ученик, а не клон. Копируя никогда не достигнуть уровня оригинала. Поэтому бери то, чему я учу, и пытайся использовать это по-своему. — Он засмеялся. — Как знать, может однажды мои работы будут выглядеть просто пустышками в сравнении с твоими!

Аббас помнил тогда, что последнюю часть посчитал сарказмом. Но теперь, после всех этих лет и пары собственных учеников, начал понимать.

Для учителя нет ничего приятнее, чем если ученик однажды превзойдёт его.

Дольф не шутил.

Каким-то образом, сейчас это казалось важнее, чем когда-либо.

Давно уже Аббас не чувствовал того знакомого пламени амбиций. В молодости оно горело в нём всегда. Постоянное давление со стороны старших и ровесников.

Когда это изменилось? Медленные жернова времени пережевывали его, как и всех. Ему нравилось думать об этом как о «взрослении», но разве это так? Разве взросление обязано убивать всю мотивацию внутри человека?

Хмм.

Возможно, боги дали ему новый шанс. Если всё получится, эта Кузня может пробудить в нём амбиции, уснувшие так много лет назад.

Ха. Он чувствовал себя таким стариком.

Удар прозвучал снаружи, такой тяжёлый, что пол вздрогнул под ногами. Он поднялся выглянуть, продолжая держать книгу в руках и переворачивать страницы для Уорвала.

Открыв примитивную дверь, он заметил Гектора вдали, поднимающегося из длинного

кратера.

Что, чёрт возьми, произошло? Он так прилетел? Скорее напоминало падение метеорита.

Не самое красивое из приземлений.

Если подумать, он не видел как Гектор летал в прошлом бою – если только не быть очень щедрым в понимании термина «полёт», конечно.

В итоге Аббас так и стоял в проходе, рассеяно перелистывая страницы, пока Гектор медленно парил к нему.

Сломал пару костей?

А.

Аббас начал понимать.

Ему до сих пор не удавалось оценить силу юного лорда Атрии, но до этого он и не задумывался. Мальчик спас его жизнь. И прикончил Человека Воронов.

Неужели это всё просто счастливые случайности? Аббас так не думал.

Но теперь?

Хмм.

Возможно.

И поверить в это было не слишком трудно. Не первый раз Аббас видел слугу, которому удавалось убить куда более старого противника благодаря одной только удаче.

С другой стороны, он увидел так много в последнее время, что просто не мог свалить это на удачу. Лорд Владения Уоррен? Разговаривающий с Расаласэдом? С такими странными приёмами? С гнездом врубелей под рукой? А ещё с Кузней Слияния?

Нужно быть дураком, чтобы считать это просто удачей.

Нет, была в этом мальчике, как минимум... определённая глубина. Описать её было трудно, они ведь познакомились совсем недавно.

Аббас решил наблюдать за ним тщательнее.

Полёт Гектора улучшался с каждым метром, после чего он гладко приземлился перед ним.

— Что-нибудь удалось узнать? — спросил юноша, совсем немного выбившись из дыхания.

Мгновение Аббас просто смотрел на него. Его взгляд невольно скользнул к кратеру позади, после чего обратно к Гектору:

— ... Всё хорошо?

Мальчик, по какой-то причине, не убирал свой доспех:

— О, эм, ага. Я в порядке. Просто, ну... экспериментировал со своей способностью немного и...

— Он тоже бросил взгляд на кратер. — Я ещё отрабатываю некоторые мелочи. Ну, Вы должны понимать, я уверен.

Мм. Да, он определённо понимал.

Он решил на этом оставить вопросы. Какой бы ни была правда, Гектор наверняка не хотел показывать слабину перед ним. Поэтому и не убирал доспех. Если он правда «экспериментировал», тогда его одежда могла промокнуть в его собственной крови. А учитывая, сколько времени ему потребовалось, чтобы выбраться из этого кратера, вытащив себя материализацией, он наверняка давал себе время на регенерацию.

Ничего страшного. Аббас не мог винить его за придание такой важности внешнему виду. Ни один лидер не любил показывать слабость. Аббас и Урвал ведь здесь не единственные. Часть его семьи ждала у машины и тоже наверняка видела эту небольшую демонстрацию.

— К несчастью, прогресс медленный, — сказал Аббас, возвращаясь к стулу. Урвал приватно попросил перевернуть страницу и он повиновался. — Подозреваю, так будет ещё долго.

— Понятно, — сказал Гектор. Гарвель прошёл сквозь него чуть раньше, чем он запер за собой дверь. — Я могу чем-нибудь помочь?

— Благодарю за предложение, но нет.

— Уверены? Совсем никак? Я могу привести кого-нибудь на помощь, если хотите. Может, Хакка Наджира?

— Он должен продолжать работать над моей бронёй, пока не завершит ремонт, — ответил

Аббас, снова взглянув на Кузню. — А это... ну, я работаю над ней.

— Хорошо. Тогда, может, кого-то другого? Буквально, кого угодно. Если они надёжны и могут помочь, тогда я сделаю всё возможное, чтобы привести их сюда, даже если придётся пройти половину мира.

Что-то в смелости этого заявления пробудило в Аббасе желание подразнить:

— Возможно, Ксиса была бы полезна. Я слышал, что она довольно хорошо хранит секреты.

Гектор замолчал, его лицо осталось нечитаемым как всегда, но Гарвель ответил: «Да, Богиня Секретов будет очень полезна. Если она существует. Или, хотите сказать, что знаете, где её можно найти?».

— Боюсь, что нет, — ответил Аббас, усмехнувшись. — И хотя существует много людей способных мне помочь, я не думаю, что это стоит риска. Как Вы и сказали, Гектор, надёжность представляет ключевой фактор. А Кузни настолько ценны, что человек, которого я считаю надёжным, может найти причину для предательства, как только её увидит.

Гектор нахмурился и немного наклонил голову, как если бы признавал силу этого аргумента.

— Я уверен, что смогу её оживить, — сказал Аббас. Не совсем правду. Он был уверен, что либо сможет это сделать, либо умрёт пытаясь, но признавать не хотел. Даже перед Уорвалом. — Мне только нужно время.

Лорд Уоррена шагнул вперёд:

— Тогда у Вас будет столько, сколько потребуется.

Хмм. Успокаивать этот юноша умел. Интересно, почему? Что-то в его тоне? В выражении лица? Аббас никак не мог понять.

— Кстати говоря, — продолжил Гектор, — я хотел кое-что спросить. Вы не думали построить замок вокруг Кузни?

Аббас моргнул.